

ЭО, 2012 г., № 1

© О.И. Брусина

**БРАК И РАЗВОД
В НАРОДНЫХ СУДАХ ТУРКЕСТАНА:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АДАТА И ШАРИАТА
ПРИ РОССИЙСКОМ УПРАВЛЕНИИ**

Ключевые слова: этнология народов Средней Азии, обычное право, шариат, Российская империя, Туркестанский край, народные суды, казии, бии, брачные обычаи, калым, развод, левират, положение мусульманских женщин

В статье на основе не публиковавшихся ранее архивных материалов исследуется практика разбора брачных дел в народных судах Туркестана, ее трансформация после проведенных российской властью реформ и, соответственно, изменения в народном правосознании во второй половине XIX – начале XX в. Особое внимание уделено делам, связанным с калымом, разводами, обычаем левирата и нормой оставлять детей у отца или у его родственников в случае прекращения брака. Автор делает вывод, что во второй половине XIX в. наметился постепенный отход от некоторых положений адатов, связанных с почти полным игнорированием мнения женщины в вопросах брака и развода. Народные судьи стали чаще ориентироваться на нормы шариата, следовать его более “чистому”, классическому варианту. В народном сознании расширились представления об индивидуальных правах и, в частности, о правах женщин в вопросах брака, хотя прямого сближения традиционных систем судопроизводства с общероссийским законодательством не происходило.

Со второй половины XIX в. в период российского управления традиционные правовые отношения народов Средней Азии развивались в условиях социальных перемен и изменений гражданского права. То же происходило и с семейными обычаями, основанными на адате и шариате (такими, как калым, бракосочетание и развод по мусульманским правилам, многоженство, левират), практика соблюдения которых выходила за рамки норм, описанных дореволюционными авторами как устойчивая традиция. Некоторые из этих обычаев в трансформированном виде сохранились и в советский период, несмотря на их запрет правительством большевиков в 1920-е гг. В постсоветских государствах региона они частично легитимируются, хотя и не согласуются с официальным законодательством.

В этой связи представляется важным разобраться на основе анализа новых источников, в каком виде бытовали семейно-правовые обычаи в Туркестане, где, в соответствии с принципами российского косвенного управления, параллельно функционировали традиционные и государственные социальные институты.

Согласно Временному положению об управлении Сырдарьинской и Семиреченской областями 1867 г.¹, в Туркестанском генерал-губернаторстве были сохранены правовые системы на основе шариата или адата. Считалось, что это позволит, во-первых, обеспечить в регионе порядок и стабильность, основанные на соблюдении обычаев, а во-вторых, примирит местные народы с новой властью. В российском законодательстве не содержалось кодифицированных норм адата и шариата, лишь отмечалось, что деятельность народного суда основана на обычае (ст. 202 и 234 Временного положения; подробнее см.: *Брусина* 2006: 222–224). При

Ольга Ильинична Брусина – к. и. н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: brusina@inbox.ru

этом местное самоуправление и судопроизводство подверглись, на первый взгляд, малозначительному реформированию. В частности, был установлен контроль за деятельностью народных судей, ограничивались их полномочия. Казии, судившие по шариату в “оседлых” районах, и бии, судившие по адату в “кочевых”², должны были избираться местным населением из своей среды и утверждаться российской властью. Решения трех инстанций народных судов³ считались окончательными и не могли быть отменены туркестанским начальством. Исключение составляли только брачные дела: согласно ст. 203 и 235 Временного положения недовольная сторона имела право обжаловать решения народного суда в российской администрации. Введение этих статей объяснялось тем, что, по мнению законодателей, мусульманская женщина находилась в бесправном положении, мириться с которым царское правительство не могло (см., напр., *Пален* 1909: 112). Женщине предоставлялась возможность выбирать между принятыми в народе обычаями и обращением к российской власти для защиты своих интересов.

Какова была практика разбора брачных дел в народных судах Туркестана во второй половине XIX – начале XX в., какие правовые нормы применялись, как они трансформировались, адаптируясь к российскому управлению, и, соответственно, как менялось народное правосознание в этот период – исследованию этих вопросов посвящена настоящая статья. Эти вопросы оказались за рамками интересов большинства специалистов по правовым и семейным отношениям у народов Средней Азии. Дореволюционные исследователи старались фиксировать у казахов и киргизов традиционные нормы адатов и в гораздо меньшей степени принимали во внимание происходящие изменения и локальное своеобразие обычного права (см.: Материалы 1948). Оседлое население, как тогда было принято считать, придерживалось норм шариата, общих для большинства мусульман. Поэтому изучению реальной правовой практики не придавалось должного значения, вместо этого были изданы переводы классических мусульманских трудов (*Бартольд* 1963: 386–387).

Н.И. Гродеков, безусловно, осознавал изменчивость обычного права. В своем труде он указывал на региональные различия и на формирование “новых адатов” под влиянием шариата, русских законов и социальных изменений (*Гродеков* 1886: IV–V; 14–24). Однако в главах его книги, посвященных семейному и брачному праву, изложены традиционные нормы, а изменения и новшества упоминаются в единичных случаях. Впрочем, по приведенным в приложении к книге многочисленным примерам реальных судебных дел можно составить представление о бытовавшей правовой практике. Во второй половине XIX в. встал вопрос о влиянии царских реформ на народное судопроизводство. Авторы описывали и анализировали связанные с этим негативные явления, приводили сведения о разобранных в народных судах делах, в том числе брачных (*Ибрагимов* 1878, *Гирс* б.г., *Гродеков* 1889, *Давлетшин* 1901, *Пален* 1909 и др.). О тяжелом положении местных женщин, об их жалобах в российскую администрацию писали чиновники и исследователи, наблюдавшие такие случаи (*Пален* 1909; *Шкапский* 1896; *Мальшев* 1904). Н. Изразцов описал современные ему нормы брачных отношений по адату, проанализировал некоторые брачные дела, случаи жалоб в российскую администрацию по брачным спорам и последствия вмешательства власти в такие дела (*Изразцов* 1897). В книге В. и М. Наливкиных детально раскрывается социальное и правовое положение женщин в Фергане. Однако изучение судебной практики и ее адаптации к социальным изменениям не входило в задачу исследователей (*Наливкины* 1886).

В советское время ведущий специалист в области семейных отношений народов Средней Азии Н.А. Кисляков изучал эволюцию калыма и других институтов брака на различных стадиях общественного развития (*Кисляков* 1969; *Кисляков* 1951). Судебную практику по брачным вопросам и изменения в ней после царских реформ Н.А. Кисляков практически не затрагивал, и в целом эта тема оставалась почти не разработанной в

советской и постсоветской этнологической и юридической литературе, за исключением отдельных статей. Так, изучению трансформации институтов левирата и сорората у казахов посвящена статья Х.А. Аргынбаева, который использовал в том числе и судебные материалы (Аргынбаев 1978). В ряде работ на основе шариата и местных адатов анализировалось положение женщин в соседних с Туркестаном регионах: Бухарском эмирате (Тищенко 1956) и Восточной Бухаре (Юсупов 1963), Хивинском ханстве (Ислам 1990); а также в Закаспийской обл. (Джикиев 1958; Дурдыев 1974; Касабов 1966).

В настоящей работе изменения в правовой практике во второй половине XIX – начале XX в., в частности по брачному праву, прослеживаются по обнаруженным автором в РГВИА докладным запискам российских чиновников о народных судах, подготовленным в 1881–1883 гг. в связи с ревизией Туркестана Ф.К. Гирсом. Эти материалы не публиковались, за исключением того, что на их основе была написана глава “Народный суд” “Отчета ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край, Тайного Советника Гирса”, изданного с грифом “секретно” (Гирс б.г.), которая не сообщает и десятой доли информации, содержащейся в указанных документах. Спустя почти тридцать лет, в 1908–1910 гг., сенатором К.К. Паленом была проведена еще одна ревизия Туркестана. В РГИА автором обнаружены многочисленные неопубликованные материалы по деятельности народных судов, написанные в связи и с этой ревизией.

Значение и типы брачных дел в судах казиев и биев. Большую долю всех дел, разбиравшихся в народных судах Туркестана, составляли иски, связанные с брачным договором (главным образом о калыме) и с разводом. Такие дела имели важнейшее значение для местного населения не только с точки зрения имущественных отношений, но и из-за необходимости поддерживать авторитет и честь семьи, рода – именно родовая мораль была, скорее всего, главным мотивом тяжб, особенно у скотоводческого населения. По словам начальника Кураминского уезда, у казахов брачные дела имели *“самое серьезное значение... так: невыдача невесты, или уход жены позорят целое отделение [рода]... [Стороны, проигравшие дело у биев,] лишившиеся права возбуждать иск по суду прибегают к самоуправству... [которое] в большинстве случаев оканчивается убийством...”* (1883) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 412–413). В начале XX в. начальник Верненского уезда Семиреченской обл. приводил аналогичные сведения, причем “самоуправством” он называл баранту⁴: *«Главным предметом разбирательства в народном суде служат: 1) кражи простые и баранта, т.е. самоуправное завладение имуществом, принадлежащим противникам, нарушившим договор в каком-либо возникшем по сватовству или платежным обязательствам деле; ... 2) дела о “джесырах”, т.е. брачные и семейные – исключительно по нарушению брачных договоров и дела о калымах за жену и невесту; 3) дела о кунах за кровь (по убийствам) и увечья; 4) дела по долговым обязательствам»* (1908) (РГИА: Ф. 1396. Оп. 1. Д. 393. Л. 28 об. – 29).

В архивных материалах нам удалось найти данные о количестве дел, рассмотренных в Самаркандском и Катта-Курганском отделах Зеравшанского округа в 1882 г. В Самаркандском отделе казии разобрали в народном суде всего 2707 дел (в том числе многочисленные денежные иски и акты по сделкам с недвижимостью), из них “по сватовству” (споры по калыму) – 222 дела, по разводам – 410 дел, об обеспечении женщин (о махре) – 77 дел. В Катта-Курганском отделе – всего 9297, по бракам с девицами – 912, с вдовами – 659, по разводам – 299 (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 61–69). У биев брачные дела также занимали большое место. Так, в книге решений посредников Западно-Кастекской волости Верненского уезда Семиреченской обл. указано, что за 1905–1908 гг. было всего рассмотрено 17 дел, в том числе 15 дел “брачных и имущих” (РГИА: Ф. 1396. Оп. 1. Д. 393. Л. 54).

Хотя процессы по брачным спорам составляли значительную долю среди всех дел, разбиравшихся в судах и кочевого, и оседлого населения, причины тяжб

были различны. Из материалов А. Давлетшина следует, что у казиев подавляющее большинство брачных дел было связано с разводами. В скотоводческих районах основная доля брачных споров касалась калыма, во многих случаях уточнено, что речь шла о “возврате калыма”: у биев ряда волостей Аулие-Атинского уезда из 31 брачного дела 22 было о калыме и четыре – о разводе; биями некоторых волостей Семиреченской обл., по записям в их судебных книгах, было рассмотрено 55 дел о калыме, три – о разводе, одно – иск о вдове, видимо, в связи с обычаем левирата (*Давлетшин* 1901: 42–73).

Дела о сватовстве и калыме. Обычай купли-продажи женщины, будучи центральным институтом в брачных отношениях, обуславливал целый спектр норм и обычаев, присущих правовой культуре народов Средней Азии. Поскольку калым, как правило, составлял значительную сумму и его уплата могла растянуться на многие годы, были распространены сговоры о браках еще малолетних детей. Это обстоятельство влекло за собой серьезные долговые обязательства родни невесты в случаях, когда заранее обговоренный брак не мог состояться. Кроме того, взрослевшая невеста оказывалась несвободна в выборе супруга из-за уже внесенного за нее выкупа, что порой становилось жизненной драмой и вызывало ее протест.

Сватовства туземцами совершаются в слишком раннем возрасте и даже иногда сватают младенцев... после чего начинают постепенно выдавать калым в течение многих лет, которым пользуются родственники, а когда приходит время венчаться, то, несмотря на пожелания невесты, выходить замуж ее принуждают потому, что требуют немедленного возврата калыма (Чустский уезд) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 381–382 об.).

У стороны жениха, как инициатора брака и “покупателя”, в этом отношении было больше возможностей для маневра. Он мог расторгнуть сделку из-за финансовых затруднений с уплатой калыма или каких-либо нарушений брачных договоренностей. При этом он, как правило, требовал возврата всех ранее произведенных выплат. Если калым уплачен, жених мог смело заявлять в суде свои права на высватанную невесту либо на предоставление для женитьбы другой девушки из родственниц бывшей невесты, если нареченная по объективным причинам (из-за состояния здоровья и т.п.) не могла выйти замуж.

У биев подобные дела прямо назывались “о калыме”, о “возврате калыма”, а в судах казиев часто именовались “дела о сватовстве”, “о нарушении брачного договора или помолвки” – очевидно, из-за того, что калым, как институт обычного права, не фигурировал в шариате. Так, в опубликованном К.К. Паленом сборнике статей по правовому быту оседлого населения Туркестана, составленном при участии 28 местных казиев, калым даже не упоминается, хотя говорится о махре (*Пален* 1910: 9–79). Отличие калыма от предусмотренного шариатом махра заключается в том, что первый представлял собой выкуп, предназначенный родителям невесты, а второй – обеспечение, которое муж был обязан выделить именно жене и которым она распоряжалась сама. В Средней Азии махр был скорее условностью, его суммы значительно уступали калыму, в некоторых регионах о махре вообще не слышали или путали его с калымом (см.: *Кисляков* 1951: 189–198; *Кисляков* 1977: 55).

Величина калыма была особо велика у скотоводческих народов, сохранивших родоплеменное деление (казахов, киргизов, туркменов). Он выплачивался скотом, имуществом и деньгами и по обычаю собирался всей родственной группой, куда входила семья жениха. Соответственно, считалось, что выкупленная женщина принадлежит не только своему мужу, но и всему роду. В народном сознании и по адатам девушка, как будущая жена, сравнивалась с материальной ценностью: ее могли отдать в качестве дорогого подарка ишану, мулле из религиозных соображений, или как часть компенсации за убийство – часто вместо половины куна (платы за кровь), сумма которого была сопоставима с калымом: за убийство женщины полагалась половина

мужского куна (Кисляков 1969: 66–68; Гродеков 1879: 238–239; Кармышева 1960). По свидетельству туркестанского чиновника, *“почти всегда уплата куна сопровождается выходом замуж девицы из родни убицы за брата убитого или родственника убитого. Это сделано для большего обеспечения мира...”* (Сырдарьинская обл., 1908) (РГИА: Ф. 1396. Оп. 1. Д. 388. Л. 74 об. – 75).

В судах биев большинство брачных дел касались именно возврата калыма; как правило, истцом выступала сторона жениха. У Н.И. Гродекова приведены примеры подобных процессов, связанных с нарушением брачных сделок по различным причинам, среди которых: отказ отца выдавать девушку за уплатившего калым, либо жениха от брака из-за ссоры, замужество бывшей невесты, увоз ее другим человеком (умыкание), смерть или болезнь жениха или невесты (см.: Гродеков 1889: Приложения, 128–144).

В 1908 г. и.о. начальника Верненского уезда писал: *“Дела о калымах в большинстве случаев возникают вследствие того, что жених оказывается не в состоянии выплатить весь калым, почему просит суд, отказываясь от всех прав на высватанную невесту, взыскать с родителей ее уплаченную им часть калыма. По всем этим делам судьями определено возратить жениху калым”*. И далее конкретно: *“По всем брачным делам [15 дел в Западно-Кастекской волости за 1905–1908 гг.] присуждено истцам калым...”* (РГИА: Ф. 1396. Оп. 1. Д. 393. Л. 48, 54–54 об.). Это свидетельство дает основание полагать, что бии в подобных спорах были склонны защитить интересы жениха. Ведь, согласно известным публикациям, за отказ одной из сторон от брачного договора по адату полагался штраф, в том числе – из-за несвоевременной уплаты калыма женихом (Гродеков 1889: 58); в последнем случае с жениха удерживалась одна треть уже уплаченного калыма (Пален 1910: 87); бии приказывали доплатить по калыму, *“грозя в противном случае дать позволение выдать девушку за другого без возврата задатка”*. Правда, иногда обедневший жених откровенно сознавался отцу невесты и просил возврата уже уплаченного (Израцов 1897: 80). Следовательно, бытовавшая судебная практика порой отличалась от тех норм, которые считались *“правильными”* по адату, причем сторона жениха получала преимущество.

В отчетах 1881–1883 гг., подготовленных в связи с ревизией Ф.К. Гирса, информации о подобных исках женихов не содержится. Скорее всего, данные разбирательства были обычными для биев, они не вызывали крупных споров, по ним не было жалоб к российским властям, поэтому уездные чиновники оставались не в курсе таких дел. Гораздо более драматичными были случаи принуждения к браку девушки против ее воли, если уже заплачен калым. Апелляции на такие решения биев изредка подавались российской администрации – в год не более чем по одному или несколько случаев в большинстве уездов. Как правило, сама женщина была не в состоянии себя защитить, обратиться в уездную администрацию, если отец и другие родственники ее не поддерживали, поскольку над семьей висел долг – уже выплаченный калым. Подобные жалобы чаще всего исходили от родственников невесты либо поддерживались ее новым женихом. Российская власть по действовавшему правилу должна была оставлять имущественный иск по калыму на рассмотрение народного судьи, она *“охраняла, насколько возможно, только личность женщины, избавляя ее от рабства и угнетения”* (Чимкентский уезд) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 402–403). Другими словами, хотя российские законы и запрещали насильно выдавать женщину замуж или удерживать ее мужем, в реальности вопрос опять-таки упирался в калым. Причем если отец мог вернуть весь задаток, когда девочка вырастет и не захочет замуж за данного человека, то *“калым возвращался со аидом (штрафом по обычаю)”* (Там же) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 403).

По всем опубликованным в приложении к книге Н.И. Гродекова тяжбам, связанным с нежеланием стороны невесты заключать брак с уплатившим калым истцом, было вынесено решение возратить ему задаток, в том числе в одном деле возврат ложился

на плечи мужа, за которого женщина успела выйти (*Гродеков* 1889: Приложение, 116–144). Однако в некоторых районах сторона отвергнутого жениха не удовлетворялась возвратом калыма, так как страдала родовая честь, и в ответ на постановление российского начальства об освобождении невесты от брачных обязательств мстила ее родне – начиналась баранта. Подобные случаи в Семиреченской обл. описаны Н. Изразцовым (*Изразцов* 1897: 85, 87).

В целом сторона невесты за расторжение брачного договора по ее инициативе несла бóльшие потери, чем сторона жениха.

Весьма запутанными и неоднозначными бывали тяжбы, связанные со сватовством и выплатой калыма, в оседлых районах Туркестана. Публикации таких дел, разбиравшихся казиями, – большая редкость, в отличие от дел в судах биев. Поэтому обнаруженное автором статьи в архиве дело с подлинниками судебных решений, которое привел начальник Андижанского уезда как пример его заступничества за девушку, насильно выданную замуж, представляет большой интерес. Чиновник пишет, указывая на исключительность этого дела:

Был только один случай применения *235 Временного положения 1867, а именно в декабре месяце 1882 г. в Избакентской волости, молодая девица, сартянка Апак-Айма была просватана отцом своим за сына одного богатого сарта и по совершению брака оставлена в доме своих родителей. Вскоре после этого отец Апак-Аимы умер и девица не изъявила желания переходить на жительство к своему мужу. Отец мужа Апак-Аимы заявил мне об этом жалобу. По передаче этого дела на разбор съезда казиев, последние признали брак законным и приговорили возвратить девушку ее мужу. На это решение старшая сестра Апак-Аимы подала мне жалобу, объясняя, что сестра ее, Апак-Айма, выдана насильно за Абдурасуля-Ходжу, что Абдурасуль-Ходжа совершенно больной человек и что Апак-Айма угрожает зарезать себя, если ее отдадут за Абдурасуля-Ходжу. По выезде в уездное управление Апак-Аимы и мужа ее я убедился, что Абдурасуль-Ходжа, несмотря на свои молодые годы, вследствие паралича позвоночного столба, совершенно не может ходить, носится постоянно на руках и человек совершенно больной... Апак-Айма подтвердила мне, что она повенчана родственниками без ее согласия и не желает иметь мужем такого больного человека. Вследствие этого Апак-Айма оставлена в доме ее родных, а отцу Абдурасуля-Ходжи предложено искать с родных Апак-Аимы денежные издержки, ежели он понес таковые при сватовстве Апак-Аимы за своего сына (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 383–384).

Далее приведены оригиналы документов по делу Апак-Аимы на двух языках.

Переписка по делу Апак-Аимы

[Док. № 1]. [*На листе слева – арабская вязь, справа русский текст.*] *На бумаге резолюция вверху справа “на съезд казиев”.*

“Заплачен калым 1000 тиллей и казий выдал квитанцию (12 января 1883 г.)”

[Док. № 2]. “[Неразборчиво]... Апак-Аимы сестра научила ее отказаться быть женою Абдурасуль-Ходжи.” [*Внизу печать с арабскими буквами.*]

[Док. № 3]. [*Вверху резолюция “перевести”.* В левой колонке – арабская вязь, в правой – русский перевод.]

“Решено съездом казиев 1882. 17 января.

Дело [неразборчиво] наследников Мирза-Ходжи Ишана, что он сестру последних высватал за сына своего, [неразборчиво] что наследники покойного Мирза-Ходжи Ишана действительно сестру Апак-Аиму отдали замуж за сына просителя Абдурасуль Акунис и их венчал казий их волости и выдал сыну просителя брачное свидетельство.

Вследствие чего мы, казии на съезде, постановили: сестру наследников Мирза-Ходжи Ишана Апак-Аиму... считать его законной женой.”

[*Слева 5 печатей казиев.*]

“Вследствие чего Избакентский волостной управитель Мансуракун, явившийся на съезд, просил нас дозволить помирить обе стороны... и согласить Апак-Аиму выйти замуж за Абдурасуль-Ходжу... если только они изъявят желание. 24 января 1883 г.” [Док. № 4]. “Прошение наследников Мирза-Ходжи Ишана, что житель Избакентской волости Абдурасуль-Ходжа насильно... женился на сестре их Апак-Аиме, она не желает выходить за него замуж ввиду того, что Абдурасуль-Ходжа болен, а в данное время сестра Апак-Аима хочет себя погубить.

Абдурасуль-Ходжа насильно не может взять тебя замуж, так как по шарияту никто никого не имеет права насильно заставить любить жениха и выходить за него замуж...” [Без даты и печати.]

[Док. № 5]. [Арабская вязь, 2 гербовые марки по 60 коп.]

“Жители Андижанской волости селения [неразборчиво] сыновья Мирза-Ходжи Ишана Ак Мазар Азым-Ходжа и Шаматдин-Ходжа заявляют, что сарт Бахаратдин-Ходжа просил выдать за сына Абдурасуль-Ходжа сестру их Апак-Бибия. Так как вышеупомянутый Абдурасуль-Ходжа – человек совершенно больной и совершенно изувечен [на] обе ноги, сестра их Апак-Бибия не согласилась выйти за него замуж и, захватив ножик, грозила лишить себя жизни, в случае, если ее выдадут замуж за Абдурасуль-Ходжа; получив такой отказ, Бахаратдин-Ходжа давал взятку казину Избакентской волости и, получив от последнего фальшивое удостоверение о том, что вышеупомянутую сестру будто бы он венчал с Абдурасуль-Ходжа, затем этим удостоверением Бахаратдин-Ходжа стал настоятельно требовать их сестру Апак-Бибия за своего сына, получив дважды отказ, Бахаратдин-Ходжа заявил на них иск с лишним на 6000 тиллей. Вследствие этого покорнейше просит заявители распоряжения его Превосходительства, не найдется ли возможным поручить Начальнику Андижанского уезда немедленно разобрать настоящее дело и успокоить их сестру Апак-Бибия, ибо этим только прекратить смертоубийство” (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 384–390).

Из материалов дела видно, что договор о браке сына и дочери заключили два человека из знатного и уважаемого рода ходжей, у представителей которого принято выдавать дочерей только за равню – тоже за ходжу, поэтому найти подходящих женихов бывало порой непросто. В этом союзе были заинтересованы обе семьи, и девушка Апак осмелилась выразить несогласие только после того, как ее отец умер. Суть протеста не касалась ее личных чувств к жениху, а сводилась к одной из уважительных по классическому шарияту причин отказа от брака – физической немощи мужчины. Причем, как явствует из док. № 4 – очевидно, представляющего собой фетву⁵, – принуждение к браку против воли одной из сторон не допускалось⁶. Однако ни первая, ни тем более вторая причина, видимо, не выглядели убедительными в общественном мнении и в глазах казиев, поэтому Апак пошла на крайнюю меру – пригрозила самоубийством. Союзниками девушки выступили ее братья и сестры, которые ходили по судам, писали прошения уездному начальству. Без их помощи у несчастной невесты не было бы никаких шансов получить свободу. Это дело является свидетельством того, что на практике женщине бывало крайне сложно добиться в суде казиев соблюдения тех ее прав, которые признавались в исламе. Показательно также, что казии участвовали в качестве нотариусов в сделке по уплате калыма (док. № 1), который шариятом не предусмотрен. Из приведенного примера видно, что в своей судебной практике по брачным спорам казии ориентировались на нормы местного обычного права, несмотря на их несоответствие шарияту.

Дела о разводах. Иски о разводе и в суды казиев, и в суды биев, как правило, подавали женщины, поскольку мужу, чтобы развестись с женой, было достаточно при соблюдении определенных условий произнести формулу развода “*талак*” (см. *Тищенко* 1956: 116–118). Развод по инициативе жены допускался в исключительных обстоятельствах – при наличии веских причин. “*Если муж может просто сказать талак при разводе, жена должна привести причины и доказательства в суде казиев*” (г. Ташкент, 1882–1883) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 406 об.). Причем женщина, если ее иск удовлетворялся, несла финансовые потери, связанные с возвратом уплаченного за нее калыма, а кроме

того, разлучалась с рожденными в браке детьми – и то, и другое многих удерживало от попыток расторгнуть неприемлемый для них союз.

Как уже отмечалось, дела о разводах у казиев встречались гораздо чаще, чем у биев. Ф.А. Фиельструп писал, что согласно адату брак у кочевых народов в прежние времена был практически нерушим, разводов не было, они стали допускаться с усилением мусульманства и влияния шариата (*Фиельструп* 2002: 18).

Количество разводов в “оседлых” районах Туркестана, по нашим подсчетам, оказалось неожиданно высоким. По архивным материалам в Самаркандском отделе в 1882 г., как указано выше, в суде казиев было рассмотрено 410 дел, в Катта-Курганском отделе – 299 дел. В эти годы, согласно данным той же ревизии Ф.К. Гирса, в Самаркандском отделе проживало 184 140 человек, а в Катта-Курганском – 162 000 человек; практически все – оседлое население, узбеки и таджики (*Гирс* б.г.: 86). Таким образом, в Самаркандском отделе дела о разводах составляли 2,23, а в Катта-Курганском отделе – 1,85 промилле (количество дел по разводам за год на тысячу человек), и это – только разбиравшиеся в народном суде, то есть начатые, как правило, по инициативе жены. Очевидно, что в действительности разводов было больше, чем судебных дел по ним, даже если учитывать, что не все процессы заканчивались расторжением брака. И все же эти неполные цифры оказались выше, чем число разводов в целом по СССР (!) в начале 1960-х гг. (1,3–1,6 промилле в 1960–1965 гг.), и совсем немногим уступали числу разводов (после упрощения в 1965 г. процедуры развода в загсе) в 1966 г. – 2,8 промилле, и в 1980 г. – 3,5 промилле (*Воспроизводство* 1983: 208–209).

Цифры свидетельствуют о значительной активности женщин, защищающих свои личные интересы, что мало соответствует распространенным представлениям о мусульманских женах, во всем подчинявшихся своим мужьям. Тем более что это относится к районам, еще десятилетие до того входившим в Бухарский эмират, духовный центр ислама в Средней Азии. Так, по сведениям В.В. Тищенко, в эмирате практически единственным способом для женщины расторгнуть брак было уговорить мужа принять от нее плату, чтобы он произнес формулу развода (*Тищенко*: 116–118). Впрочем, В. и М. Наливкины утверждают, что в Фергане разведенная женщина пользовалась определенными преимуществами, она “становится вполне свободным человеком”, легко могла найти нового мужа (*Наливкины* 1886: 225–226).

Вескими основаниями для развода в судах казиев, согласно публикации К.К. Палена, были: мужская немощь или его отказ от супружеских прав, а также жестокость, “опасная для здоровья жены”, хотя само по себе грубое обращение с женой не являлось поводом для расторжения брака (*Пален* 1910: 24, 26, 28). Адааты ограничивали возможности получить развод несколькими причинами. Согласно авторитетным публикациям, за жестокое обращение с женой в лучшем случае допускалось наказание мужа нагайкой или штрафом, но не развод. Причиной расторжения брака могли стать: безвестное отсутствие мужа более года (по другому источнику – семь лет), оставление жены без содержания, физическая немощь (*Израцов* 67, 92–93; *Пален* 1910: 90; *Гродеков* 1889: 89–91).

Судебная практика, согласно архивным материалам, отличалась от описанных в публикациях норм. По записке начальника Наманганского уезда П.В. Аверьянова, который, вполне возможно, опирался на данные В.П. Наливкина, жившего в этот период в наманганском кишлаке и состоявшего в приятельских отношениях с этим чиновником (см. *Абашии* 2005: 49, 70), причины развода в судах биев таковы:

1. Нерасположение супругов друг к другу.
2. Болезни, которые вредно отражаются на детях и другом супруге.
3. Импотенция.
4. Отсутствие одного из супругов (мужа) и необеспечение семьи.
5. Сопrotивление обычаю [левирата]... Первая причина обыкновенно разбирается судом бия или биев и по решению вопроса о калыме не вызывает никаких заявлений уездной администрации, в случаях же, когда калым не может быть уплачен, а положение в семье настолько невыносимо, что несмотря на естественную связь общего отношения к детям и уговора родственников, приходится так или иначе

искать защиты, могут быть к Уездной администрации [обращения]... Вторая причина вследствие крайнего неразвития туземцев имеет место в жизни крайне редко. Окончательное решение суда после... заключения о правильности [3-й причины] тоже не вызывает обжалования. (Случай на суде биев. Двое из почетных биев были выбраны свидетелями акта супружеской жизни, предложенного супругам в одном из ближайших помещений к месту, где заседал суд.) 4-я причина, наиболее часто встречающаяся, вызывает к суду свидетелями родственные стороны мужа и жены, после доказательства которых ставится решение. Обжалование решений бывает очень редко, во-первых, потому что главного недовольного лица на обжалование нет на месте, и во-вторых, потому что при появлении его часто совершается примирение... Пятая причина вызывает прямо заявление Администрации, так как обращение к народному суду, решающему на основе обычая, не удовлетворяет желанию подавшего заявление... В то время, когда киргизы составляли роды и имели общинное владение, вдовы составляли принадлежность целого рода, уплатившего за нее калым в другой род, и вследствие этого ей не давали право свободного выбора мужа, а обязывали искать в среде рода, к которому принадлежат дети вдовы. С того же времени, как родовое начало выразилось только в правах на известную территорию и выделило из себя учреждения административного управления родами, а общинное владение было потеряно и роды разбились на семьи, право на вдову перешло к семье и вызвало протест с их стороны.

...По отношению к сартам существуют те же четыре причины... пятая причина развода не существует и ее место занимает эксплуатация жены как проститутки... Немогущая уплатить калыма женщина, и не выносящая семейного счастья, бежит в дом терпимости и этим вызывает согласие своего мужа на развод, при уплате ему части стоимости калыма или всего калыма. Уплачивается калым обыкновенно одним из содержателей дома терпимости, и в уплату берет от женщины документ, этим документом, а также брачным документом она и связывается на исполнение предъявляемых ей требований. Всю выручку от промысла получает содержатель, но на документе уплату не означает. Дурно содержащая женщина и считающая себя уплатившею, обращается в Администрацию с просьбой дать ей развод с мужем и уничтожить долговое обязательство (1883) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 376–378).

Сходные сведения сообщил и начальник Чустского уезда, хотя он не упоминал первую причину развода, как явствует из контекста – по инициативе жены. Он поднимает еще одну проблему – недопустимо раннюю выдачу замуж малолетних девочек.

...При браках между сартами и киргизами – киргизы платят весьма большие калымы и женятся на тех условиях, что если умрет муж, то вдова обязана выйти за одного из ближайших родственников покойного, причем заставляют иногда молодых женщин выходить замуж или за дряхлых стариков, или за несовершеннолетних мальчиков, в противном случае требуют возврата калыма. А также весьма часто отдают замуж 11 и 12-летних девочек за людей 30 и 40 лет, которые противоестественно требуют разделения с ними ложе и казии не дают развода, если не возвратится сейчас же калым, а содержатели домов терпимости принуждают своих жен к распутству. Во всех этих случаях я, хотя и не прямо, отклонял решения казиев... [и направлял их] для пересмотра... и казии всегда давали развод, ограничивая размер калыма, уплату которого откладывали до второго выхода замуж просительниц. Таковых случаев было в 1880 г. – 4, 1881 г. – 2, 1882 г. – 2 (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 381–382 об.).

Указание как на первую причину развода “нерасположение супругов”, по всей вероятности, включало и жестокое обращение мужа. Признание ее биями свидетельствует, что судебная практика наманганских киргизов была ближе к нормам шариата, чем это зафиксировано в кочевых адатах. В то же время четвертая причина (длительное отсутствие мужа и содержания для жены) названа характерной и для судов казиев в этом уезде, хотя согласно местному варианту шариата она не имела решающего значения (*Пален* 1910: 24–28). Все это подтверждает, что не было четкой

границы между правовыми нормами, на которые ориентировались казии и бии, как не было четких различий между местным “оседлым” и “кочевым” населением.

Как видно из записок, жалобы в уездную администрацию касались главным образом необходимости возвращать мужу калым после развода (по общему правилу, в том случае, если инициатива исходила от жены). Как и при нарушении брачных договоренностей, российская власть по закону имела право настаивать на предоставлении женщине свободы, но не могла вмешиваться в имущественные отношения. Знание местных обычаев позволило российским чиновникам искать выход из этой ситуации: они попытались внедрить в практику суда новую норму: откладывание выплаты до появления другого супруга, на которого и возлагалась обязанность возврата калыма. Практика, когда новый жених или муж платят калымные долги при разводе жены, известна и в кочевых, и в оседлых районах (*Гродеков* 1889: 116–144; *Наливкины* 1886: 197), однако получение развода с отложенными выплатами “в долг” – это, несомненно, новшество.

Новыми для местного общества стали и решения по делам о склонении к проституции. В этот период казиям пришлось принципиально отступить от бытовавшего прежде правила шариата, которое предусматривало смертную казнь за такое преступление. Поскольку российская власть отменила любые телесные наказания в народных судах, страх перед ними перестал быть сдерживающим фактором для содержателей притонов (*Наливкины* 1886: 236, 240–241). “*В суде казиев бывают дела по обращении в проституцию мужьями жен... (Свободных проституток в домах терпимости нет, почти все они – жены содержателей заведений.) По шариату [за] это... – смертная казнь, а казии смотрят на дома терпимо, как на законно допустимые, и обращают эти дела в простые исковые о приданном (махре, калыме) и дают разводное свидетельство*” (Чусткий уезд, 1883) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 350–351). Таким образом, исчезновение мусульманской идеологии на государственном уровне (как это было в Кокандском ханстве) и отмена соответствующих наказаний повлекли формирование значительно более мягкого отношения судебной системы и, видимо, общества к преступлениям, каравшимся по шариату как большой грех.

Дела о левирате. Судя по донесениям туркестанских чиновников, больше всего апелляций поступало в связи с обычаем левирата. В уездных администрациях сочувственно относились к жалобам вдов и считали своим долгом им помогать. “*В одном только случае уездный начальник пользуется своими правами... выдавая свидетельство вдове на свободное проживание, где пожелает, и выходе замуж по собственному выбору, так как наследование вдовы, как прочего движимого имущества умершего, родственниками его ставило жену в положение вещи...*” (Казалинский уезд, 1883) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 408 об. – 409).

По существующему у киргиз с незапамятных времен обычаю, жена после смерти мужа обязана, каких бы она не была лет, по истечении 1 года после смерти мужа непременно выйти замуж за одного из братьев покойного по старшинству, а в случае нежелания последних или их несуществования – за ближайшего родственника покойного. Согласия вдовы... не спрашивают. Между тем, сплошь и рядом встречается, что вдовы 40 лет, а желающий по предусмотренному обычаем праву жениться на ней 12 или 15 лет. В устранение аномалии таких браков в Перовском уезде уже с 1854 г., т.е. за 13 лет до издания действующего ныне Проекта Положения, административная власть начала вмешиваться в такие дела, причем вмешательство в такие дела бывает обыкновенно при следующих обстоятельствах. Вдова, не желающая выйти замуж, согласно адата, за родственника покойного мужа, представляя удостоверение о смерти мужа, обращается к начальнику уезда (а до 1867 г. – к Заведывающему киргизами) с просьбой о выдаче ей вдовьего вида на свободный выход в замужество, а получивши такой вид, она приобретает полнейшую свободу в выборе мужа. Точно так же существуют случаи, где уездная администрация ограждает свободу выбора мужа девицам-сиротам, эксплуатируемым родственниками и т.п. (1883) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 419 об. – 420).

Как и в случаях нарушения брачного договора, российская власть была уполномочена защищать личный выбор вдовы, а имущественные претензии родственников умершего мужа оставались подсудны биям. *"Вдовам всегда предоставлялось право выходить замуж по собственному желанию, а раздел имущества происходил по решению народного суда"* (Чимкентский уезд, 1883) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 403).

Туркестанские чиновники отмечали ослабление обязательности левирата под влиянием российской власти. *"Этот дикий обычай, благодаря вмешательству администрации, начал ослабевать и в уездах Казалинском и Аулиеатинском, подобный брак (без согласия жен) почти уже не практикуется, если же жена побуждается к браку помимо своего желания, то ей по вышеизложенному только и можно заявить свой протест русской администрации, которая одна лишь может оградить женщину от притеснений..."* (Кураминский уезд, 1883) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 413–413 об.).

У южных казахов, подвластных ранее кокандским ханам, институт левирата еще раньше претерпел трансформацию: там адат допускал уход вдовы из рода мужа с выплатой имущественной компенсации, т.е. действовал тот же механизм, что и при разводе по инициативе жены. Такая практика отмечалась в Кураминском (позднее – Ташкентском) уезде, где жили казахи с частично разрушенной родовой структурой, о чем свидетельствует и название "Курама" – "лоскутный, состоящий из кусков". *"Женщина, отказавшаяся от союза с одним из родственников умершего мужа и вознамерившаяся выйти замуж за постороннего, по адату должна уплатить данный за нее калым родственникам мужа, что в большинстве случаев заставляет вдову, даже помимо ее воли, выходить замуж... за [родственника мужа]. Один только способ не возвращать калыма – это вовсе не выходить замуж, тогда ее оставляют в покое"* (Кураминский уезд, 1882–1883) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 412 об. – 413).

Эта норма при российском управлении распространялась все шире, заменяя собой классический институт левирата.

...Постепенно население в принципе почти уже отменило существующий порядок перехода жены покойного по наследству к старшему брату или близкому родственнику и почему-то уверено, что это установлено русским законом. Поэтому братья и близкие родственники, хотя и заявляют права на жену покойного, но весьма глухо, стараясь дело как-нибудь покончить мирным путем, в случае же неудача, не решаются заявить Начальству своих обычных прав, а предъявляют только гражданские иски к жене покойного о захвате имущества. Такая постановка вопроса перехода брачного права на гражданский иск – успех [нашей власти]... Ныне народные судьи как бы забывают традиционные права перехода жены покойного к брату и, разбирая только гражданские иски, нередко в нем или отказывают просителю, или присуждают пеню, причем обязательно выдают... удостоверение на свободное вступление в замужество, за кого она пожелает (Ходжентский уезд, 1883) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 410 об. – 411).

Есть основания полагать, что происходило изменение судебной практики, ее приспособление к требованиям власти, причем в общественном сознании новые нормы постепенно закреплялись как обычно-правовые. Тот же вывод следует из статьи Х.А. Аргынбаева (*Аргынбаев* 1978: 99–100). Во всех приведенных у Н.И. Гродекова делах по левирату вдовам предоставлялась свобода, в большинстве случаев – с уплатой ими компенсации или возвратом калыма (*Гродеков* 1889: Приложение, 116–144). В других районах, в частности в Семиреченской обл., подобная норма в конце XIX в. не практиковалась и освобождение вдовы российской властью могло вызвать баранту, несмотря на взыскание с нее калыма по приговору суда (*Изразцов* 1897: 87).

Разведенные жены и вдовы, желавшие покинуть родню мужа, сталкивались с тяжелой проблемой, которую не могли решить в народных судах, и поэтому обращались в уездную администрацию. Женщины возражали против обычая оставлять рожденных в браке детей их отцу, либо – родне покойного мужа. Такое правило предполагалось как по адату, так и по шариату. О жалобах уездным властям на решения казиев по подобным делам данных нет, возможно, из-за того, что в оседлых районах малолетних детей до достижения ими семилетнего возраста было принято оставлять матери (*Наливкины* 1886: 230–231; *Пален* 1910: 33–35). Постановления биев бывали более категоричны, младенцы отбирались у матери, покидавшей род мужа, после окончания грудного вскармливания (*Пален* 1910: 90) жалобы на это описаны и в наших архивных источниках, и в публикациях (*Шканский* 1896: июнь 2–6). По данным начальника Аулиеатинского уезда, его администрации приходилось разбирать апелляции женщин именно о детях – требования женщин, насколько возможно, поддерживались.

...Уездной администрации [приходилось] постановлялись решения... только в тех редких случаях, когда решением народного суда определялось оставить малолетних и даже грудных детей при разводах у отца, а после смерти мужей – у родственников последнего, если вдова не желала выходить замуж за родственников своего мужа, то в этих случаях по просьбе матерей дети оставались при ней до возраста, когда в попечении матери уже более не имели нужды. Впрочем, – добавляет автор, – в последнее время бии сами осознали необходимость материнских попечений для детей и в последние два года просьбы в оставлении детей при матерях не поступало (1883) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 404 – 404 об.).

Изменение обычного права под влиянием российской власти. Приведенные материалы свидетельствуют, что реформирование народных судов по Временному положению 1867 г., и в частности – возможность апелляции по брачным делам, заметно повлияло на традиционную судебную практику и на некоторые правовые обычаи, которые расходились с российским законодательством.

Хотя чиновники большинства уездов докладывали, что случаи обращения женщин в администрацию носят единичный характер, многие добавляли, что для народных судей имела значение сама возможность апелляции, которых они старались не допустить. *”По *203 и *235 за последние 5 лет было только 3 дела... Но эти параграфы держат биев и казиев в известных границах. Так как они знают... что их решение может быть отменено, авторитет их (что самое главное, в особенности у казиев) может пострадать в глазах соотечественников, почему они дела эти решают вполне осмотрительно...”* (г. Ташкент, 1883) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 406–407). Н. Изразцов, исходя из своего опыта работы в Семиреченской обл., объяснял, что причины малого числа жалоб – это “привычка к обычаю” и боязнь, нарушив его, вызвать баранту. До уездного управления могли добираться лишь немногие из пострадавших от истязаний женщин, большинству это не удавалось из-за дальних расстояний и предпринятых их мужьями мер (*Изразцов* 1897: 83–84).

Во всяком случае, к протестам женщин против насильственной выдачи замуж, обычая левирата, их просьбам получить развод, оставить при себе малолетних детей общество и народные суды стали, исходя из имеющихся материалов, относиться более снисходительно. Казии проявляли большую гибкость в стремлении приспособиться к требованиям российской государственной системы таким образом, чтобы не пострадал их высокий статус. *”Народные судьи, чтобы не подорвать авторитет их судебного значения, принимают все споры к тому, чтобы склонить стороны к обоюдному согласию и этим устранить влияние на их решение русской власти. С другой стороны, мужеский пол туземного населения идет легко на уступки с целью избежать вмешательства русской власти в их малоограниченные права над женским*

полом” (Ошский уезд, о казиях, 1883) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 379 об. – 380). При прежних правителях суд казиев пользовался авторитетом и уважением как суд правый, справедливый и, главное – окончательный. Судьи, стремясь сохранить такое отношение общества, искали способы избежать отмены их решений администрацией, поэтому становились более лояльными к требованиям женщин – с ними предпочитали заключить мировое соглашение, которое, по правилам, не могло быть оспорено впоследствии. С другой стороны, в тех уездах, где сложилась практика подачи жалоб в администрацию, судьи старались урегулировать конфликты, вызвавшие апелляции, так же миром, с учетом интересов обеих сторон. *”Местные жители Ходженского уезда, преимущественно мужчины, часто обращаются в делах брачных и семейных к русской администрации с жалобами на решения казиев и биев... потому, что бывшие случаи административного вмешательства в семейные дела для туземцев большей частью заканчивались обоюдным согласием”* (1883) (РГВИА: Ф. 400. Оп. 1. Д. 4849. Л. 410).

Важным результатом российских нововведений стал рост числа женских исков по разводам и левиратным бракам, т.е. женщины ощутили возможность что-то противопоставить безграничной власти мужей. То, что в прежние времена считалось исключением из правил, постепенно входило в обычную практику. Н. Изразцов отмечал, что уже в 1870-х – начале 1880-х гг. в Копальском уезде “жалобы женщин на истязания и на бессилие мужей суд биев почти не принимает к своему разбирательству, предоставляя принести эти жалобы к уездному начальнику” (Изразцов 1897: 94). Таким образом, бии, не рискуя нарушать традиционные нормы, с одной стороны, и дабы не вызвать нареkania администрации, с другой, предпочитали просто отказываться от принятия решений, чем способствовали в результате постепенному изменению обычая.

По архивным материалам прослеживается смягчение и даже изменение некоторых правовых норм в процессе адаптации системы народного судейства к требованиям российского управления. В первую очередь это касается появившейся возможности заменять неприемлемый для женщины брачный союз материальной компенсацией, т.е. возвратом калыма. Речь идет о делах по расторжению брачных договоров, по разводам и по отказу от левиратных браков.

Российская власть, воздействуя на народные суды, вообще говоря, не навязывала каких-либо норм, чуждых местному населению, а пыталась исходить из местных обычаев, корректируя их в пользу женщины. В результате адат, который отличался более жесткими правилами, уступал позиции шариату. Так, казии были вынуждены отказываться от расходившихся с шариатом местных правовых традиций, им приходилось обращаться к более “чистым” мусульманским нормам в отношении женщин: учитывать их согласие или несогласие на брак, идти на мировые соглашения с ними, занимать более гибкую позицию в отношении калымного долга.

Иногда давление администрации расширяло рамки применения обычая до такой степени, что искажалась сама его суть. Показателен описанный выше пример внедрения в судебную практику казиев нормы, по сути дела, изобретенной российскими чиновниками на основе местных обычаев – откладывать возврат калыма разведенной женщиной до ее вторичного замужества. Если вдуматься, эта норма в каком-то смысле подрывала саму основу института калыма как залога сохранения брака, поскольку необходимость его возврата переставала быть ключевым условием, удерживающим жену.

В то же время вынужденно из-за отмены телесных наказаний был смягчен порядок, предусматривавший жесткую кару за тяжелые грехи – в частности, за склонение к проституции. В результате стали распространяться редкие прежде формы эксплуатации женщины. Видимо, стало меняться и отношение общества к этому явлению. По крайней мере, ни у В. и М. Наливкиных, ни в других известных источниках не упоминается,

что оно вызывало серьезное недовольство и осуждение с точки зрения религиозной морали (см. *Наливкины* 1886: 196–197; 236, 240–241).

Положение об управлении Туркестаном 1886 г. уже не содержало статей, аналогичных ст.ст. 203 и 235 Положения 1867 г., предоставлявших право апелляции по брачным делам. Возможными причинами их отмены стало малое число обращений по ним в уездную администрацию, а также, по Ор. Шкапскому, – отказ от попыток вмешательства в народные правовые обычаи, которые подлежали сохранению, согласно действующему законодательству. Отмена статей вызвала сожаление у ряда влиятельных туркестанских чиновников (см. *Шкапский* 1896: июль 34–51; *Пален* 1909: 112), которые стали искать иные способы защищать права местных женщин. Сведения и прошения женщин о принуждении их к замужеству передавались прокурору – он имел право отменять решения народных судей, если они противоречили общеимперским законам, утверждавшим свободу вступления в брак (*Пален* 1909: 114–115).

Видимо, и эти меры возымели определенное действие. Так, по материалам ревизии К.К. Палена, заметны некоторые изменения в судебной практике биев Семиреченской области относительно той, которая была описана Н. Изразцовым: почти во всех брачных делах (которые в основном касались нарушения договоренностей о калыме, или увоза, умыкания невесты) судьи *“стремятся достигнуть согласия сторон”* (Верненский уезд, 1908) (РГИА: Ф. 1396. Оп. 1. Д. 389. Л. 10 об.), т.е. оканчивать дело миром. Кроме того, даже у казахов Семиреченской обл., живших немного в стороне от зоны непосредственных контактов с традиционно оседлым населением, обычное право стало постепенно смягчаться – в том числе под влиянием российской власти, наблюдалась тенденция его сближения с шариатом.

Чистый киргизский адат предков почти не сохранился и вылился в современное обычное право киргизов, стоящее на полпути между адатом и шариатом, оказавшим на него большое влияние. Несомненно, есть еще в нем и много самобытного, представляющего смесь правил адата и шариата. Многие положения, служащие отражением весильного некогда родового начала с неограниченной властью главы рода и широкими правами отца семейства и с угнетенным и бесправным положением женщин остаются в силе и доныне, но влияние мулл и шариата распространяется все шире и глубже, чему немало способствуют влиятельные киргизы, видящие в патриархальных началах шариата новую опору своей власти. Они к тому же сознают, что многие постановления адата, как, например, продажа женщин мужьям в полную и неограниченную собственность и беззащитность их положения, стоят в открытом противоречии с русскими правовыми принципами и доживают поэтому свои последние дни (Верненский уезд, 1908) (РГИА: Ф. 1396. Оп. 1. Д. 389. Л. 42 об.) (Отредактировано мной. – *О.Б.*).

Таким образом, в Семиреченской обл. с некоторым запозданием наметились процессы, аналогичные тем, которые наблюдались ранее и в других скотоводческих районах Туркестана.

Настоящее исследование показывает, что семейно-правовые обычаи народов Средней Азии под влиянием российских реформ претерпели определенные трансформации. Изначально адаты формировались на основе родовых отношений и преобладания коллективистского сознания, общих форм собственности для членов семейно-родственных групп, что, в частности, предопределяло положение женщины. Во второй половине XIX в. обозначилась тенденция постепенного отхода от некоторых положений адата (таких, как почти полное игнорирование мнения женщины в вопросах брака и развода, обычай левирата и др.). Бии стали чаще ориентироваться на нормы шариата, а казии – следовать его более “чистому”, классическому варианту. Шариат, в отличие от среднеазиатских адатов, опирается на индивидуальные права и не предполагает обычаев, связанных с родовой структурой общества; он ближе к гражданскому праву в вопросе о личном выборе в брачных отношениях. Таким образом, в народном сознании расширялись представления об индивидуальных правах, и в

частности о правах женщин в вопросах брака, хотя прямого сближения традиционных систем судопроизводства с общероссийским законодательством на основе каких-либо заимствований из него не происходило.

Примечания

¹ Первоначально, в 1867 г., генерал-губернаторство охватывало Сырдарьинскую и Семиреченскую области. В 1870-х гг. в него вошли Ферганская обл., Зеравшанский округ и Аму-дарьинский отдел, а Семиреченская обл. в 1882 г. была переподчинена Степному краю, в составе которого числилась вплоть до конца 1898 г. В 1899 г. она вновь вошла в состав Туркестанского края, в том же году к нему была отнесена и Закаспийская обл., населенная туркменскими народами, у которых практиковался суд и по адату, и по шариату – в зависимости от предмета спора.

² Административное деление на “кочевые” и “оседлые” районы было весьма условным. На самом деле в Туркестане проживало пестрое по этническому составу и хозяйственному укладу население. Из оседлых групп населения впоследствии сформировались узбеки и таджики, кочевыми народами считались казахи и киргизы (которые назывались тогда “киргизы” и “каракиргизы”).

³ В зависимости от важности дела: 1-я инстанция – один судья, 2-я – волостной съезд, 3-я – чрезвычайный уездный съезд судей.

⁴ Узаконенный грабеж у обидчиков как способ добиться справедливости по адату.

⁵ Заключение муфтия о соответствии шариату того или иного действия.

⁶ По шариату это положение касается совершеннолетних, за малолетних решают опекуны (см. *Тищенко* 1956: 110; *Пален* 1910: 12).

Источники и литература

- Абашинов* 2005 – *Абашинов С.Н.* В.П. Наливкин: “...будет то, что неизбежно должно быть...” // Азиатская Россия. Люди и структуры империи. Омск, 2005.
- Аргынбаев* 1978 – *Аргынбаев Х.А.* О некоторых пережиточных формах брака у казахов // *Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана*. М., 1978. С. 94–105.
- Бартольд* 1963 – *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. Сочинения. Т. II. Ч. I. М., 1963.
- Брусина* 2006 – *Брусина О.И.* Обычное право кочевого населения Туркестана в системе российского управления // *Среднеаз. этнографич. сб.* В. 5. М., 2006.
- Воспроизводство 1983 – *Воспроизводство населения СССР* / Под ред. А.Г. Вишневого и А.Г. Волкова. М., 1983.
- Гирс* б.г. – [*Гирс Ф.К.*] Отчет ревизирующего по Высочайшему повелению Туркестанский край, Тайного Советника Гирса. СПб., б.г. [1883–1886].
- Гродеков* 1889 – *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889.
- Давлетишин* 1901 – *Давлетишин А.* Отчет капитана Давлетишина о командировке в Туркестанский край и степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб., 1901.
- Джикиев* 1958 – *Джикиев А.* Семья и брак у туркмен Юго-Восточного побережья Каспийского моря в XIX–XX вв. // *Изв. АН ТССР*. Ашхабад, 1958. № 2.
- Дурдыев* 1974 – *Дурдыев Б.* Из истории развития семейного права Туркменской ССР // *Изв. АН ТССР*. Сер. обществ. наук. Ашхабад, 1974. № 1.
- Ибрагимов* 1878 – *Ибрагимов И.* Заметки о киргизском суде // *Записки Импер. Русского географического общества*. СПб., 1878. С. 8.
- Изразцов* 1897 – *Изразцов Н.* Обычное право (“адат”) киргизов Семиреченской области. Семейные союзы // *Этнограф. обозрение*. 1897. №№ 3, 4.
- Ислам 1990 – *Ислам и женщина Востока (история и современность)*. Ташкент, 1990.
- Касабов* 1966 – *Касабов Г.А.* Правовое регулирование брачно-семейных отношений в дореволюционном Туркменистане // *Уч. зап. ТГУ им. А.М. Горького*. Сер.: Ист.-юр. науки. Ашхабад, 1966. С. 7–30.
- Кармышева* 1960 – *Кармышева Б.Х.* Полевые материалы. Экспедиция в ТаджССР (Пенджикентский р-н). 1960 г. Архив ИЭА РАН. Д. 7. Л. 519.

- Кисляков* 1951 – *Кисляков Н.А.* Калым и приданое у таджиков // Родовое общество (этнографические материалы и исследования). Труды Ин-та этнографии. Новая серия. Т. XIV. М., 1951.
- Кисляков* 1969 – *Кисляков Н.А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969.
- Кисляков* 1977 – *Кисляков Н.А.* Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX – начало XX в.). Л., 1977.
- Мальшев* 1904 – *Мальшев Н.Н.* Положение киргизской женщины по обычному семейному праву (адату) // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 2. С. 128–151.
- Материалы 1948 – Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948.
- Наливкины* 1886 – *Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.
- Пален* 1909 – *Пален К.К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. [Т. 4.] Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909.
- Пален* 1910 – *Пален К.К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. [Т. 13.] Правовой быт туземного населения. СПб., 1910.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Тищенко* 1956 – *Тищенко В.В.* Правовое положение женщины в Бухарском эмирате // Уч. зап. Тадж. ун-та. Тр. юр. фак. Душанбе. 1956. Т. 11. В. 4.
- Фиельструп* 2002 – *Фиельструп Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М., 2002.
- Шкапский* 1896 – *Шкапский Ор.* Положение женщины у кочевников Средней Азии // Среднеаз. вестник. Ташкент, 1896. Т. 6. Июнь. С. 1–19. Июль. С. 34–53.
- Юсупов* 1963 – *Юсупов Ш.* Положение женщин в Восточной Бухаре в конце XIX и начале XX вв. // Изв. АН ТаджССР. Отд. общ. наук. Душанбе, 1963. В. 1.

O.I. B r u s i n a. Marriage and Divorce in People’s Courts of Turkestan: The Interaction of Adat and Sharia under the Russian Governance

Keywords: ethnology of Central Asia, customary law, Sharia, Russian empire, Turkestan, people’s courts, qazi, bey, marriage customs, bridewealth, divorce, levirate, condition of Muslim women

Drawing on a range of previously unpublished archival sources, the article examines the practice of settling marriage cases in people’s courts of Turkestan, the changes in the latter introduced after the reforms initiated by the Russian authorities, as well as the general changes in legal awareness in the second half of the 19th and the early 20th centuries. Special attention is paid to cases dealing with bridewealth, divorces, levirate and the custom of leaving children with their father or father’s relatives upon termination of marriage. The author argues that in the second half of the 19th century there was observed a gradual departure from certain Adat norms that implied neglect of the woman’s opinion in issues related to marriage and divorce. Judges in people’s courts began to ground their decisions more frequently in Sharia norms, as well as to follow its “purer”, classic, version. Notions of individual rights, and of women’s rights in particular, were widening in the general legal awareness, even though there was still no convergence of customary law systems with the official Russian legislation.